

УДК 821.161.1.АННЕНКОВ.06

ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Ю.П. АННЕНКОВА В КНИГЕ

«ДНЕВНИК МОИХ ВСТРЕЧ: ЦИКЛ ТРАГЕДИЙ»

© 2008 Д.А. Скобелев

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 3 ноября 2008

Аннотация: статья посвящается рассмотрению эстетической рефлексии Ю.П. Анненкова на материале его документальной прозы «Дневник моих встреч: Цикл трагедий». В исследовании изучается литературная судьба М. Горького и А. Ремизова, музыкальная судьба С. Прокофьева. Автор статьи определяет манеру самоопределения и самооценки писателя применительно к творческой свободе или политической зависимости указанных деятелей искусства.

Ключевые слова: эстетическая рефлексия, трагедия, литературная судьба, свобода, политическая зависимость.

Abstract: The article touches upon Yu.P. Annenkov's "The Diary of My Meeting. A Tragedy cycle" on the basis of aesthetic reflection approach, i.e. literary artists' introspection of his self-appraisal. The literary fate of Gorky and Remizov are discussed and interpreted, as well as Prokofiev's musical fate. These genius people are estimated by Annenkov from the point of view of their freedom or political dependence.

Key-words: Tragedy, aesthetic reflection, self-appraisal, literary fate, freedom, political dependence.

Пожалуй, самым известным литературным произведением знаменитого русского художника и писателя Ю.П. Анненкова является мемуарно-документальная книга «Дневник моих встреч: Цикл трагедий», впервые вышедшая в 1966 г. в Нью-Йорке. С тех пор эти воспоминания неоднократно переиздавались, что говорит об их актуальности и популярности.

Анненков оставил послереволюционную Россию и большую часть своей жизни провел в Париже. Все, созданное писателем и художником Анненковым в эмиграции, хранит память о России, о центре русской культуры – Петербурге. «Дневник...» является циклом очерков или эссе, в которых содержится интереснейшая информация о знаменитых поэтах, писателях, музыкантах, живописцах начала XX в. Сам автор определяет свою творческую задачу следующим образом:

«Здесь просто записаны мои впечатления и чувства, сохранившиеся от наших встреч, дружбы, творчества, труда, надежд, безнадежности и расставаний» [1, 19].

Отделено ли искусство от истории и социальных потрясений, может ли художник работать в условиях идеологического давления со стороны власти – эти вопросы задает себе Анненков, и они входят в сферу эстетической рефлексии художника. Под эстетической рефлексией мы вслед за исследователем Д.П. Баком понимаем «самосознание литературного творчества» [2, 4] и творчества вообще.

В данной работе мы остановимся на одном из важных аспектов анненковской рефлексии – примерах «"ангажированной" политизации художественного творчества» [3, 11] и «неангажированного» свободного искусства.

«Дневник...» содержит большое количество очерков – портретов, в которых рисуются образы выдающихся русских деятелей искусства – Бло-

ка, Ахматовой, Кузмина, Пильняка, Зощенко, Маяковского, Есенина и многих других. Мы остановимся на трех персонажах книги – Горьком, Прокофьеве и Ремизове, что позволит рассмотреть важные аспекты эстетической рефлексии автора книги под определенным углом зрения: каким образом переплетаются творческое и общественное бытие художника?

Анненков, располагая очерки в задуманном им порядке, создает сложную шкалу ценностей, которой проверяются все герои «Дневника...». Неслучайно книга начинается с словесного портрета М. Горького, писателя, чья художественная и социальная судьбы очень сложны и порой противоречивы.

С первых же строк очерка Анненков отрицает «сделанность» творца какой бы то ни было властью, в том числе и советской: «Разве это коммунистическая партия объявила Ломоносова знаменитым поэтом <...>? Разве по заказу коммунистической партии и ее правительства Воронихин воздвиг Казанский собор на Невском проспекте?» (с. 23).

Анненков напоминает, что древнегреческий баснописец Эзоп и римский баснописец Федр были рабами, а великий Гораций был сыном раба. Сам Горький также был «выходцем из нижних социальных слоев России, <...> “мальчиком” при магазине, <...> пильщиком, грузчиком» (с. 23). Несмотря на демократическое происхождение, свою революционность, «царский гнет», Горький смог «печатать свои произведения и прославиться в дореволюционной России и во всем мире» (с. 23).

Эти размышления – узел всей книги и центр эстетической рефлексии Анненкова.

Собрав и рассмотрев всю палитру различных видов искусства, автор утверждает, что дарование выше социума, оно не должно быть связано с ним напрямую. Художник и в искусстве, и в жизни должен подниматься над классовой враждой, в противном случае он перестает быть настоящим творцом.

В этом случае Горький – идеальный художник. Он противостоял старому (царскому) строю, а затем поддерживал «врагов» советской власти после октябрьской революции. Создается впечатление, что эта черта Горького особенно дорога Анненкову: «Джентльмен и обладатель больших духовных качеств, он в годы революции сумел подняться над классовыми предрассудками и спасти жизнь – а порой и достояние – многим представителям русской аристократии» (с. 24).

В очерке говорится, что Горький любил культуру «до самозабвения» (с. 31), как и подобает настоящему писателю. Например, пробоину в куполе храма Василия Блаженного он «ощущал как рану в собственном теле» (с. 30). После Октября Горький основал комиссию, которая

охраняла памятники искусства, и «его заслуги в борьбе с разрушительной инерцией революции неоченимы» (с. 31).

Композиция очерка, посвященного Горькому, очень красноречиво раскрывает и иные черты личности этого человека. После описания голода, после изображения конфликта, произошедшего между Шкловским, Амфитеатовым и Г. Уэллсом, не понимавшим всей катастрофичности русской жизни, Анненков, прямо ни в чем не обвиняя Горького, рассказывает о быте этого «любимого товарища»: «В многокомнатной и удобнейшей квартире Горького не было, однако, ни в чем недостатка: друг Ленина и завсегдагой Смольного, Горький принадлежал к категории “любимых товарищей”, основоположников нового привилегированного класса. “Любимые товарищи” жили зажиточно» (с. 38).

Итак, как будто «независимая» творческая личность живет в роскоши, принимает это благополучие, зная, что другие писатели (и простые люди) едят гнилые продукты, суррогаты, картофельные очистки и часами стоят в «пайковых» очередях. Это, конечно же, факт подкупа, зависимости от Советов, которые подавляли и уничтожали всех инакомыслящих.

Заметим, что Анненков не сразу приступает к рассмотрению достоинств художественных произведений Горького. Только с середины очерка начинают встречаться замечания о том, что Горький-писатель был скромнее, сам себя часто критиковал и «отличался полным отсутствием профессиональной ревности» (с. 45). Заговорив, наконец, о горьковском творчестве, писатель замечает: «Горький прожил неровную, напряженную и сложную жизнь. Его искусство было тоже неровным. Он создал “Детство”, книгу, которую по праву можно назвать гениальной, но он же написал безвкусного “Буревестника” (что никогда не случалось, например, с Достоевским» (с. 50), писателем неангажированным.

Горький как «точка отсчета» на анненковской «шкале ценностей» не является писателем в «чистом виде», потому что он был близок к преступной кровавой власти и как художник был «неровен». Однако Горький осознавал свое положение, помогал людям, и сама его «тайна смерти» в 1936 г. разгадывалась Анненковым однозначно. Писателя отравили по приказу «кремлевского диктатора», который, по словам врача Плетнева (в передаче Бригитты Герланд), «больше всего боялся открытого выступления знаменитого писателя против режима» (с. 51).

Автор «Дневника...» признавался, что при выстраивании композиции своих очерков он часто руководствовался ассоциациями: «Воспоминания наталкиваются одно на другое, и я

не могу от них уклониться» (с. 227). Эти слова были написаны по поводу Распутина, с которым Анненков встретился на ужине в доме друга своего отца. О Распутине Анненков вспомнил потому, что процитировал А. Ремизова: «Угробили чудотворца <...>, следует, может быть, выдать этим старателям орден Великой Обезьяньей Палаты? А? За любовь к родине?» (с. 227).

Какие же ассоциации побудили Анненкова соединить в одном из очерков писателя Алексея Ремизова и композитора Сергея Прокофьева? Первая причина, на наш взгляд, состоит в том, что эти люди были сотрудниками, они готовили сказочно-мистический балет «Ясня». Вторая причина (более глубокая) состоит в том, что Анненков в очередной раз анализирует отношения двух своих друзей к политике, советской власти, творчеству.

Отношения, разумеется, были различными.

Ремизова Анненков относит к самым «чистым» и бескорыстным художникам. В Ремизове привлекали его доброта, детская непосредственность и, что особенно ценно для автора воспоминаний, «беспредметность» по отношению к быту и политике, но необычайная серьезность в отношении к «древнеславянской языковой фонетике», «лубочному искусству», «небесной синеве» (с. 218).

Настоящий художник, по Анненкову, не может любить войну, жестокость, приветствовать убийства, вследствие этого, проходя по Литейному проспекту (вдоль Литейного завода) и увидев выставленные пушки, Ремизов не мог не заметить: «Какие прекрасные скульптуры... когда они не стреляют» (с. 218).

Для сравнения Анненков тут же цитирует книгу Ильи Эренбурга «Лик войны» (издана в 1920 г.), где приводятся недопустимые (для художника) жестокие слова: «Ничего в этом нет жуткого, великого, таинственного, а только забавно вскинутые руки да труп, который мешает ходить. И говоря откровенно, наплевать» (с.219). Отметим, что Эренбурга, наряду с Д. Бедным и Сурковым, Анненков относит к писателям «ангажированным», служащим советской власти.

Анненкову симпатичны люди, относящиеся к жизни как к игре или как к искусству. Ремизов, например, не говорил, а «щебетал», записывал в своем дневнике, как перевернул качалку с Н.А. Бердяевым, а А. Белый при этом («от неожиданности») якобы проглотил финик. Тот же Ремизов очень мужественно переносил свои болезни (слепоту), много и кропотливо работал, а его цветистая языковая вязь отражала страшную реальность: «Вожди слепые, что вы наделали? Кровь, пролитая на братских полях, обеспошадил сердце человеческое, а вы душу вынули из народа русского... Русь моя,

ты упала, не поднять тебя, не подынешься... Русь моя, русская земля, родина беззащитная, обеспошаденная кровью братских полей, подожжена горишь!» (с. 230).

Чтобы сохранить свою свободу (а может быть, и жизнь), Ремизов уехал из Советской России, Прокофьев же, напротив, вернулся туда.

Отмечая в Прокофьеве (кроме его огромного таланта музыканта и композитора) жизнерадостность и дружескую расположенность, Анненков видит в этом человеке «раздвоение», объясняемое тем, что, живя на Западе, используя его комфорт и свободу, Прокофьев в любое время мог вернуться (и часто возвращался) в Советский Союз, к которому также испытывал симпатию.

Прокофьев был дорог Анненкову как человек, разделявший его тревогу за рутинное состояние оперного искусства, как единомышленник, желавший революционных перемен в декораторских приемах, поэтому рассказ о выдающемся композиторе прерывается цитатами из анненковских теоретических статей о театре.

Однако та идеологическая «раздвоенность», которая была свойственна Прокофьеву, со временем усилилась, что не дало этому на редкость одаренному человеку до конца реализовать свои большие возможности. Вернувшись в Советский Союз, композитор сразу же, по словам Анненкова, ощутил гнет «скучнейшего "социалистического реализма"» (с. 249) и вынужден был прибегнуть к модной в то время «самокритике», а также почувствовал невозможность бороться с банальными «академическими декорациями», которые ему навязали. Это было огорчительно, т. к. на Западе театральные постановки Прокофьева оформляли такие художники, как Гончарова, Ларионов, Якулов.

Выслуживаясь перед властью, боясь Сталина, Прокофьев, по мнению Анненкова, приветствовал в 1939 г. действия Советской армии «в беззащитной Польше и в такой же беззащитной Белоруссии». Более того, по этому поводу композитор пообещал написать музыкальное произведение, где «отразятся все лучшие народные мелодии освобожденных областей» (с. 250). Как видно, политические интересы проникали и в музыку.

Подобная беспринципность не удивила Анненкова. Писатель вспомнил разговор с Прокофьевым, в течение которого последний объяснял причины своего возвращения на родину. На Западе музыкант всегда будет известным и принятым, а вот русский «рынок» может для него закрыться, поэтому лучше вернуться и «доить разом двух коров, если они не протестуют» (с. 249).

Такая позиция не могла не повлиять негативно на «неистощимые творческие возможности» (с. 251) композитора, на его человеческую судьбу.

Анненков приводит общеизвестный факт «незамеченности» смерти Прокофьева, т. к. он умер на следующий день после кончины Сталина. Диктатор в данном случае заслонила художника, который выбрал для проживания страну, руководствуясь соображениями выгоды.

Можно предположить, что на анненковской «шкале ценностей» среди художников свободных и зависимых («ангажированных»), уехавших, оставшихся и вернувшихся сам автор «Дневника...» приближается к Ремизову и отдаляется от Прокофьева. Так проявляет себя эстетическая рефлексия Анненкова.

Мы рассмотрели фрагмент большого труда Анненкова «Дневник моих встреч: Цикл трагедий», который стал итогом раздумий, сомнений, эстетической рефлексии художника, писателя, поэта, публициста, декоратора. Этот маленький фрагмент позволяет понять направление художес-

твенной логики всей книги писателя, искавшего и находившего ответы на интересовавшие его вопросы эстетики, этики, политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков Ю.П. Дневник моих встреч: Цикл трагедий / Ю.П. Анненков. – М., 2005. – С. 19. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи, в круглых скобках, с указанием страниц.

2. Бак Д.П. История и теория литературного самосознания: творческая рефлексия в литературном произведении / Д.П. Бак. – Кемерово, 1992. – С. 4.

3. Тюпа В.И. Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики / В.И. Тюпа, Д.П. Бак // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики. – Кемерово, 1988. – С. 11.

*Скобелев Д.А.
Воронежский государственный педагогический
университет.
Аспирант
skobelev78@rambler.ru*

*Skobelev D.A.
Voronezh State Pedagogical University
Post-graduate student
skobelev78@rambler.ru*